

Проф. Стивен Баскервиль

Равенство полов и проблема прав человека

Свобода, ставшая принадлежностью множества, - это власть

Эдмунд Бёрк, «Размышления о революции во Франции»

Неладно что-то в борьбе за права человека. Когда-то «бороться за права человека» означало оказывать давление на авторитарные государства, чтобы те перестали угнетать собственных граждан. Однако со временем само понятие «прав человека» обрело – практически без участия или одобрения общественности – намного более широкое толкование. Не будет преувеличением сказать, что оно превратилось в сборную солянку, глобальный брэнд, к которому может пристроиться политик практически любой окраски, и не важно, имеет ли его программа отношение к подлинному значению этого понятия. Сегодня под лозунгом борьбы за права человека нас агитируют за сомнительные социальные программы и присваивают себе моральное право учить другие страны, как надо заботиться о гражданах и на что тратить бюджет. Последние нововведения в этой сфере позволяют клеймить «нарушителями прав человека» уже не только представителей власти, но и частных лиц. «Борьбой за права человека», как ни парадоксально это звучит, оправдывают даже отмену предусмотренной законом правовой защиты и лишение свободы без суда. Борцы за права человека теперь берут на себя право надзирать за тем, как живут и чем занимаются в своих собственных жилищах частные лица, и, если им что-то не понравилось, привлекать тех к уголовной ответственности за нарушение оных прав. Некоторые политические инициативы, продвигаемые во имя прав человека, уже докатились до того, что любой нормальный человек счёл бы диаметрально противоположным их защите, вплоть до ситуации, когда «во имя борьбы за права человека под угрозой [всё чаще] оказываются сами эти права» ("On Human Rights" 1998).

И хотя наступление идёт сразу по нескольким политическим направлениям, главный удар в борьбе за права человека сосредоточен на, в данный момент, пожалуй, самом напряжённом участке фронта: законодательстве в сфере семьи и различия полов.



Об авторе: Стивен Баскервиль (Stephen Baskerville) – адъюнкт-профессор государственного права в Колледже Патрика Генри (*Patrick Henry College*, США), научный сотрудник Говардского центра семьи, религии и общества (*the Howard Center for Family, Religion, and Society*), Независимого Института (*the Independent Institute*) и Межамериканского Института (*the Inter-American Institute*). Получив доктора философии в Лондонской Школе Экономики, он преподавал в Говардском Университете, в Университете Палацкого (Чехия) и в Российском Государственном Гуманитарном Университете. Автор ряда монографий по политической теории и праву, в т.ч. «Не мир, но меч: политическая теология Английской революции» (1993) и «Взятые под опеку: война против отцов, брака и семьи» (2007). Бывший президент (2005-2007) Американской коалиции за отцов и детей (*American Coalition for Fathers and Children*). Ответственный редактор журнала *International Journal for Religious Freedom*. Неоднократно выступал по вопросам семейной политики на страницах ведущих американских изданий, в эфире известных в США радио- и телевизионных программ.

Статья «Равенство полов и проблема прав человека» впервые была опубликована на английском языке в журнале *The Independent Review*, v. 16, n. 3, Winter 2012, pp. 351-379. Русский перевод подготовлен в рамках работы [Аналитического центра «Семейная политика.РФ»](#) и [Межрегиональной общественной организации «За права семьи»](#) (пер. с англ. Б. Шапиро, науч. ред. П. Парфентьев).

Сама идея политической борьбы за права человека возникла не так уж и недавно. Идея эта, в том виде, в котором она нам знакома, возникла после Холокоста, со Всеобщей декларацией прав человека 1948 года. Этот юридически не обязывающий документ, как и последующие, более обязательные к исполнению, соглашения, включал в себя заимствованные из западноевропейских биллей о правах стандартные принципы правовой защиты. Но содержались в нём также и более спорные пункты, касавшиеся того, что традиционно считалось вопросами социальной политики конкретных государств (Статьи 22-27).

Права «первого поколения» были простыми гарантиями, закреплёнными в Международном пакте о гражданских и политических правах (ICCPR United Nations [UN] General Assembly 1966a): свобода слова и самовыражения, вероисповедания, объединений и собраний; процессуальная защита; соблюдение надлежащей правовой процедуры; равенство перед законом. В таком узком определении права человека были всего-навсего обобщением гражданских свобод, веками существовавших в большинстве западноевропейских стран.

К этим традиционным правам Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ICESCR UN General Assembly 1966b) были добавлены более спорные права «второго поколения». Эти права относились к иным сферам, как то: право на «социальное обеспечение», занятость, определённый уровень зарплаты и «уровень жизни», пропитание, одежду, жильё, медицинское обслуживание, образование, отдых и «социальные услуги». Иными словами, эти положения уже не ограничивали полномочия государства, но, наоборот, требовали от него каких-то действий, программ, которые кто-то должен был оплачивать.

Права второго поколения вызвали острую критику. Некоторые увидели в них обесценивание более фундаментальных и насущных прав. «Это ослабляет обеспокоенность общественности судьбой простейших прав человека, прав первого поколения, - писал один из таких критиков, - ведь теперь кажется, что нежелание обеспечивать граждан достаточно щедрыми пособиями по безработице и продажа своих граждан <...> в рабство оказываются как бы морально равноценными проступками. Это <...> обесценило всю дискуссию о правах человека». Из-за того, что права второго поколения требуют финансовых затрат, которые некоторым странам не по карману, включение их в категорию «прав человека» «превращает все права человека в расплывчатые политические лозунги, воплощение которых отодвигается в неопределённое будущее, вместо того, чтобы воспринимать их как реальные действия, предпринять которые справедливость требует от нас *прямо сейчас*» (Johnson 2008, 80-82, выделение авторское).

Однако более серьёзным представляется обвинение в том, что расширительное толкование этих прав само по себе угрожает свободе человека – мысль, созвучная словам Фредерика Бастиа о различных принципах Французской революции: «Месье де Ламартин однажды написал мне: «Ваша доктрина – лишь первый этап моей программы; вы довольствуетесь свободой, я же собираюсь добиться братства». На что я ответил: «Вторым этапом вашей программы вы уничтожите первый». И, строго говоря, я абсолютно не в состоянии отделить слово «братство» от слова «добровольное». Я абсолютно не в состоянии представить, как можно *законодательно* принудить к братству без *законодательного* уничтожения свободы и *законодательного* надругательства над правосудием» ([1848] 1995).

Две эти различные категории прав возлагают на государство диаметрально противоположные роли. Как пишет Джеймс Никел, «в прежних перечнях политических прав речь, в основном, шла о случаях, когда государства делают что-то, чего делать не должны, а не наоборот» (2007, 12). Одно из следствий этого, и чрезвычайно важное, осталось практически незамеченным: тогда как изначальное значение понятия «права человека» подразумевало равномерное *ограничение* полномочий государства, новейшие нормы их *расширяют*.

Даже сейчас, когда читаешь документы тех времён, становится очевидно, что в первоизданном своём виде борьба за права человека была борьбой против тирании государства. Именно этот посыл обеспечил движению за права человека общественную поддержку, и по сей день для большинства его сторонников именно это оправдывает саму возможность вмешательства в чужие дела. «Когда *государство* жестоко и несправедливо обращается с собственными гражданами, мы чаще всего говорим, что оно нарушает их права человека», - такими словами открывает свой недавний фундаментальный труд «В чём смысл прав человека?» Джеймс Никел. В своей работе

он пишет о «насаждении международных правовых норм, которые не позволили бы государствам терроризировать собственных граждан», а также что «главными адресатами таковых норм являются государства» (2007, 1, 7, выделение моё). Один влиятельный мыслитель, ссылаясь на слова правозащитников, приходит к выводу, что (по крайней мере, в теории) «законодательство о правах человека не занимается пытками, если это наркоторговец с их помощью вымогает деньги из своих клиентов, но только пытками со стороны должностных лиц» (Laughland 2008, 14). Законодательство о правах человека продолжает традицию узаконенных в конституциях биллей о правах, на протяжении веков завоевавшую практически повсеместное уважение и восходящую, по меньшей мере, к Великой хартии вольностей. И моральным авторитетом её наделяет наше единодушное неприятие репрессий со стороны государства.

Однако всё это в одночасье, и практически без какого-либо публичного разбирательства, резко переменялось. В наше время обвинить в нарушении прав человека могут практически любого. Этому способствовало несколько исторических тенденций. В целом ряде известных случаев – вплоть до, если задуматься, самого Холокоста – виновными в нарушении прав человека оказывались мелкие государственные и военные чины (хотя в большинстве этих случаев наказание понесли вовсе не сами чиновники и солдаты).

В последние два десятилетия чудовищные злодеяния совершались людьми, не имевшими отношения к правительству, – из наиболее печально известных случаев можно вспомнить Боснию и Руанду. В самом деле, тот факт, что зверства совершали целые народности, породил так называемое «правосудие переходного периода», новый тип разбирательства, в рамках которого специальные суды занимаются преступлениями тех, кого местные судебные системы привлечь к ответственности не способны. Также они занимаются случаями, в которых при помощи квазирелигиозных и квазитерапевтических терминов (таких как «исцеление» и «искупление») пытаются преодолеть разрыв между теми, кого возможно привлечь к суду, и целыми группами населения, чья численность слишком велика, но чья причастность к преступлениям слишком очевидна для того, чтобы это можно было замолчать.

Но не менее важным толчком к упомянутой перемене стал новый взгляд на права человека, при котором сами эти права из достояния всех людей (как следует из названия) делаются принадлежностью конкретных стремящихся обрести эти «права» групп населения. Как пишет об этом один из симпатизирующих данной тенденции авторов, «в наши дни правозащитником имеет право называться любой политик, отстаивающий интересы отдельных людей либо конкретных социальных групп. Практика эта стала настолько повсеместной, что её впору назвать господствующей». Речь теперь идёт уже не о чётко обозначенных правах, но об абстрактной «правозащитной деятельности», представляющейся не более чем «удобным политическим инструментом», применяемым не столько для защиты граждан от репрессий со стороны государства, сколько для продвижения собственных политических программ (к примеру, по борьбе с «транснациональными корпорациями») (Steans 2010, 76). С точки зрения такого подхода, права человека не являются всеобщими и равно применимыми ко всем людям. Вместо этого, они становятся средством или «инструментом» достижения иных, более политически ангажированных целей, выгоду из которых извлекают отдельные заинтересованные лица, стремящиеся установить свои «права» выше прав других. «Международное законодательство в сфере прав человека – мирный, но могущественный инструмент перемен, – пишет Джеральдина Ван Бюрен. – Права человека нужны для того, чтобы мирным путём перераспределить несправедливо распределённую власть. Суть экономических и социальных <...> прав в том, что они требуют перераспределения благ, а большинству конституционных, местных и международных судов, несмотря на приверженность правам человека, эта задача не по вкусу» (1999, 680). С этой точки зрения, права человека не являются логическим продолжением конституционализма, ограничения полномочий и злоупотреблений ими со стороны государства. Вместо этого, они являются, как называет это Ван Бюрен, «идеологией», оправдывающей наделение государства ещё большей властью, которую одни люди хотят использовать против других.

Ни в одной другой сфере данный взгляд не завоевал сторонников больше, чем в вопросах семьи, взаимоотношения и равноправия полов, где под лозунгом прав человека продвигаются новомодные социальные программы. По своей воинственности и идеологизированности эта сфера борьбы за права человека намного превосходит все прочие политические конфликты:

«Включение в законодательство в сфере прав человека вопроса прав женщин – процесс революционный и эволюционный» (Thomas and Beasley 1993, 62). Феминистки признают и даже восхваляют «революционный» дух своей идеологии и то, насколько необратимо им удалось изменить содержание понятия «права человека» (зачастую невзирая на возражения тех, кто ставил своей целью борьбу с репрессиями): «За последние двадцать лет сторонники феминизма своими действиями радикально изменили лицо движения за права человека, заставили переписать само значение «прав человека». Хотя учёные и активисты феминистского движения и были преданы идеалу «всеобщих прав человека», тем не менее, они утверждали, что права человека не неизменны, но формируются под влиянием исторических событий и борьбы <...>, тем самым попутно расширив понятие «прав» за счёт собственных потребностей и устремлений» (Bahar 1996, 105).

Автор открыто признаёт тот факт, что феминистки политизировали тему прав человека и присвоили её с целью продвижения собственной политической «борьбы» за интересы узкой группы населения. «Женские организации <...> в своей борьбе за равенство полов всё чаще пользуются терминологией борьбы за права человека», - признаёт одна учёная-феминистка (Steans 2010, 75)¹. И снова права человека из всеобщего свода конкретных прав, на защиту которых может рассчитывать каждый, превращается в ситуационную «терминологию», удобный полемический инструмент, который «узкие группы населения» применяют в своей политической деятельности – а по сути, эгоистичном стремлении к власти: «Конвенция о правах человека и заимствуемая из неё терминология – удобный инструмент в борьбе за «повышение роли» женщин» (Steans 2010, 75, 85). Как утверждает Шарлотта Банч, влиятельный теоретик феминизма, «права человека гибки и переменчивы, они снабжают феминисток как терминологией, которой удобно описать наши требования, так и мощным политическим рычагом для продвижения наших задач» - всё от того, что это придаёт их политической программе «солидность» (цит. по: Steans 2010, 78). Этот лейтмотив почти слово в слово повторяется буквально в сотнях статей, переполняющих самодостаточный мирок научного феминизма: «Терминология правозащитной деятельности – мощный рычаг влияния на политические процессы на государственном и международном уровне, – пишет Донна Салливан. – Теперь перед нами стоит задача приспособить под неё вопрос гендерно-специфического насилия» (1995, 126).

Переосмысление сущности движения за права человека – это гигантский смысловой сдвиг. Теперь сторонники любой идеологии могут присвоить себе моральный авторитет, сообщённый этому движению людьми, десятилетиями с риском для жизни выступавшими против репрессий, пыток, массовых расстрелов и других ужасных преступлений правительств левого и правого толка – с единственной целью оправдать собственную жажду политической власти. Феминистки даже похваляются тем, что не просто переписывают содержание прав человека:

«Правозащитницы-феминистки <...> не просто расширяют понятие прав человека. Мы ставим под сомнение сам политический и социальный фундамент понятия «прав»; размываем границу между частным и общественным и бросаем вызов общественному договору, на котором построено это разделение. <...> Таким образом, чтобы воплотить требования <...> нашего движения, недостаточно просто сосредоточиться на вопросе прав женщин; от нас требуется пересмотреть само значение понятия «права человека», теории общественного договора, теории семьи и взаимоотношений государства и гендерно-дифференцированного гражданина». (Bahar 1996, 107)

Определение прав человека, которое дают феминистки, ставит традиционное понимание этого термина с ног на голову, и тем самым подрывает основы и принципы, веками защищавшие традиционные права. Феминистки не только не пытаются оградить частное лицо от вмешательства в его жизнь со стороны государства, но и стремятся создать систему, в которой ежеминутное такое вмешательство было бы всецело оправдано, систему, построенную на фундаментальном отрицании различия между общественным и частным или самого факта существования

¹ «Идеология борьбы, - как утверждает польский диссидент Тадеуш Мазовецкий, - рано или поздно приводит к устранению оппонента» (Mazowiecki 1996, 229)

неподконтрольной государству личной жизни. Главной мишенью их атак являются семья и право на неприкосновенность личной жизни.

Права человека и право на личную жизнь

Личная жизнь и семья прямо назывались сферой, требующей защиты от вмешательства, начиная с самых первых документов по правам человека. Всеобщая декларация прав человека утверждает, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (UN General Assembly 1948, Ст. 16.3), и включает в себя несколько пунктов, направленных на защиту неприкосновенности семьи и брака. В ней также утверждается, что «родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей» (Ст. 26.3).

Та же мысль (во Всеобщей Декларации прав человека не имевшая обязывающей силы) с ещё большей силой повторяется в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах: «Семье, являющейся естественной и основной ячейкой общества, должны предоставляться по возможности самая широкая охрана и помощь, в особенности при ее образовании и пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании» (UN General Assembly 1966b, Ст. 10.1). В нём также утверждается, что основой семьи является брак, и разъясняются права родителей: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов выбирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы, но и другие школы, отвечающие тому минимуму требований для образования, который может быть установлен или утвержден государством, и обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» (Ст. 13.3). В аналогичном ключе написан и Международный пакт о гражданских и политических правах, защищающий семью (UN General Assembly 1966a, Ст. 23) и права родителей (Ст. 18.4).

Однако некоторые положения этих ранних соглашений уже предвещали сложности. Хотя брак в них и признавался основой семейной жизни, его устойчивость подмывалась тем, что супругам представлялись равные права при его «расторжении» (Cere 2008-2009) – что, кстати, ни в одной стране не было проведено в жизнь, поскольку развод причиняет огромный ущерб не иницирующей его стороне, в особенности отцам (Baskerville 2007).

Тем не менее, последовавшие за этим два новых международных соглашения продвинулись в деле подрыва целостности семьи и личной жизни в целом намного дальше. Более поздние конвенции, выделяющие в качестве предполагаемых жертв насилия конкретные группы населения – в данном случае, женщин и детей – практически свели на нет якобы «всеобщие» гарантии прав семьи. Оба этих соглашения были делом рук небольшой группы идеологов, и очевидно, что многие государства подписали их, вовсе не собираясь обеспечивать соблюдение содержащихся в них условий (которые сами же, по большей части, и игнорируют). И всё же, принятие этих соглашений возымело далеко идущие последствия. Они подрывают авторитет любого традиционно обладавшего властью института, от семьи и родителей до суверенитета подписавших их стран.

Для надзора над соблюдением условий этих договоров сторонами были – как и в случае с другими соглашениями – созданы наблюдательные комитеты, но на этот раз их деятельность вызвала намного больше нареканий. Несмотря на то, что теоретически данные комитеты выполняют лишь консультативную функцию, по факту, в своих регулярно выпускаемых докладах о поведении стран-участниц они дают инструкции, которые те должны выполнять для приведения такового в соответствие с их требованиями. Эти состоящие из «экспертов» по «женским проблемам» комитеты также публикуют свои соображения (или «замечания общего характера») о

том, что, оказывается, имелось в виду в текстах этих договоров, зачастую ведущие к расширению области их применения.

Женщины-жертвы: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW; UN General Assembly 1979) превратила механизм международных соглашений в орудие социальной инженерии. Этот написанный в 70-е, на пике сексуальной революции, документ требует от стран-участниц принять в качестве государственной доктрины идеологию феминизма – что прямо запрещается конституциями большинства демократических стран, в которых признаётся, что придание официального статуса какому-то одному убеждению ущемляет свободу самовыражения граждан. По этой Конвенции, все подписавшие её страны обязаны не только «принять меры, необходимые для ликвидации дискриминации против женщин», но и «устранить любую стереотипную концепцию роли мужчин и женщин на всех уровнях и во всех формах» (Ст. 10с). Задача устранения «концепции» воспринимается чиновниками весьма буквально; от их надзора не свободны даже личные убеждения. «Текст Конвенции содержит призыв к превосходящим все мыслимые границы формам вмешательства в личную жизнь граждан – вмешательства в самые интимные её сферы» (Balmforth 1999). В одном из пассажей Конвенции от государств требуется подвергнуть реформированию не только общественные устои, но и мысли своих граждан: «Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью <...> изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин» (Ст. 5а).

Комитет по соблюдению Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин настаивает на том, чтобы государства-участники не просто упразднили дискриминацию, но и пропагандировали в своих странах феминистскую идеологию. «Государствам следует осуществлять программы в области воспитания и общественной информации, которые помогут покончить с предрассудками, препятствующими обеспечению равноправия женщин» и «программы в области общественной информации и воспитания для изменения подходов к роли и статусу мужчин и женщин» (UN Division for the Advancement of Women [UNDAW] 1992). Члены Комитета в своих высказываниях неоднократно демонстрировали, что считают, что на каждом государстве лежит обязанность внушать населению утверждённую ими идеологию и подавлять отвергнутые ими «еретические» идеи. Представителям Индонезии Комитет выразил «серьёзную озабоченность тем, что существуют социальные, религиозные и культурные нормы, согласно которым признаётся положение мужчины как главы семьи и кормильца, а женщинам отводится роль матери и жены» и потребовал доложить, «какие меры предполагает принять правительство с целью добиться изменений в таких представлениях» (Committee on the Elimination of Discrimination Against Women 1998, para. 289).

Сама Конвенция также применяет расширительный подход к толкованию понятия «дискриминация» и настаивает, что даже «частные» лица должны нести наказание, если они «дискриминируют» кого-то в личном общении. «Согласно Конвенции, государство должно надзирать и корректировать даже поведение граждан в их личной жизни – например, то, как супруги разделяют между собой домашние обязанности и воспитание детей», – пишет Кристина Хофф Соммерс (2010а, 5). «Надзорный комитет ООН регулярно отчитывает страны вроде Дании, Норвегии и Исландии за то, что их правительствам вновь не удаётся помешать женщинам взять на себя уход за ребёнком» (Hoff Sommers 2010b). Таким образом, теперь уже не только государства, но и частных лиц можно обвинить в нарушении прав человека лишь за то, как те распределяют домашние обязанности, или за любой иной аспект их поведения в личной жизни и частном

общении. Авторы отмечают, что «по смыслу Конвенции дискриминация не ограничивается действиями, которые совершаются правительствами или от их имени». Статья 2(e) требует от государств «принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица», а не только организаций. Статья 2(f) требует, чтобы те принудительно «отменили действующие <...> обычаи и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин». В завершение Комитет напоминает: «на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав» (UNDAW 1992).

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин также контролирует содержание не только школьной программы, но и «семейного образования», того, чему родители учат детей у себя дома. «Конвенция запрещает вводить различия между ролью матери и отца и учить детей традиционному пониманию семьи, – подмечает один исследователь. – Детей нужно учить тому, что с двумя мамами или двумя папами можно жить ничуть не хуже, чем просто с папой и мамой, и любой намёк на обратное может расцениваться как дискриминация женщин» (Estrada 2009).

Успешно переведя подобные вопросы в категорию «прав человека» и «дискриминации», чиновники ООН теперь могут принимать постановления о необходимости остановить подобную дискриминацию – без оглядки на то, выполнимы ли они, во сколько и кому обойдётся их выполнение, и даже не противоречат ли они друг другу. Так, Комитет одновременно требует легализовать проституцию и ввести уголовную ответственность для посредников и клиентов. От правительства Мексики он требует легализовать проституцию и «настойчиво рекомендует, <...> чтобы в новом законодательстве предусматривалось наказание для сутенёров и клиентов». Как подмечает группа исследователей, «легализация проституции <...> противоречит самой достаточно недвусмысленной букве Конвенции, где говорится: «Государства-участники принимают все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин». Но чиновники Комитета, по-видимому, считают, что легализация проституции – это один из способов её пресечения!» (Fagan, Saunders, and Frago 2009, 23; см. также Committee on the Elimination of Discrimination Against Women 1998, para. 414).

Бюджет Комитета все эти законодательные инициативы никак не отягощают, поэтому члены его могут спокойно ставить условия, выполнять которые приходится за чей-то ещё счёт. Они требуют, чтобы граждане стран-участниц Конвенции оплачивали «необходимые дополнительные социальные услуги», в том числе «создание и расширение сети учреждений по уходу за детьми» (Ст. 11[2][c]). Комитет, судя по всему, вообще мечтает насадить в сфере воспитания детей коллективизм. Как подмечает Хофф Соммерс, «в тексте Конвенции вообще бросается в глаза намерение авторов истребить любые гендерные стереотипы, а особенно те, по которым женщина ассоциируется с материнством и воспитанием детей» (2010, 13). Соответственно, правительства должны проверять установленные в семьях порядки, дабы «обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства как социальной функции» (Ст. 5[b]). Как пишут Патрик Фэган, Уильям Сондерс и Майкл Фрагозо, Новой Зеландии регулярно приходится оправдываться перед Комитетом, который «выражает озабоченность в связи с показателями участия матерей детей младшего возраста и матерей-одиночек [в системе детских садов], которые ниже средних показателей для государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития». Главным же критерием, которым руководствуются в своих директивах чиновники Комитета, по всей видимости, является женский карьеризм. Так, они ругают Словакию за «уменьшение количества детских дошкольных учреждений, которое особенно пагубно сказывается на возможности женщин на равных участвовать в рынке труда, ведь нехватка детских садов заставляет их прерывать свои профессиональные карьеры». Правительство

Словении должно создать «более стандартизированную систему официальных детских дошкольных учреждений для детей младше трёх, а также от трёх до шести лет». Сognать в специальные учреждения как можно больше детей, по-видимому, является для Комитета самоцелью: «Чиновники Комитета презрительно отозвались о том, что в этой стране лишь 30% детей в возрасте до трёх лет отдают в государственные детские сады, большинство же воспитывается членами семьи или иными частными лицами». Похоже, что главной панацеей от неравенства полов чиновники Комитета считают именно коллективизацию воспитания детей. Они выражают обеспокоенность тем, что в Германии «меры, направленные на совмещение семейных обязанностей и работы, основаны на стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин. В этой связи Комитет обеспокоен нехваткой в детских садах мест для детей в возрасте до трех лет» (цит. по 2009, 11-12, выделение моё).

Когда результаты демократического голосования в той или иной стране идут вразрез с политическими планами чиновников Комитета, они требуют от правительства страны ограничить свободу вероисповедания и демократические права своих граждан. Комитет не скрывает своего враждебного отношения к свободе отправления религиозных культов и в своих докладах заявляет, что «во всех странах наиболее существенными факторами, ограничивающими возможность женщин участвовать в общественной жизни, являлись культурные рамки ценностей и религиозных убеждений» (UNDAW 1992). По мнению чиновников Комитета, «подлинное равноправие мужчин и женщин не допускает различного толкования обязательств в соответствии с международно-правовыми нормами в зависимости от внутренних религиозных правил, традиций и обычаев» (Committee on the Elimination of Discrimination Against Women 1994, 39). Если религиозные правила, традиции и обычаи страны противоречат тому, как представляют себе права женщин чиновники Комитета, правительство этой страны должно подсутиться и найти себе какие-нибудь другие религиозные правила, традиции и обычаи.

Тот факт, что придерживающиеся католических взглядов граждане Ирландии в ходе нескольких референдумов отвергали предложение о легализации в стране аборт, по-видимому, означает, что необходимо ввести ограничение на то, как можно голосовать, а как нельзя. «Влияние Церкви чувствуется не только в отношении к женщинам и в гендерных стереотипах населения, но и в политическом курсе правительства Ирландии. Это особенно угрожает праву женщин на здоровье, в том числе охрану репродуктивного здоровья». Поскольку норвежские законы о защите религиозных меньшинств позволяют им не соглашаться с феминистской доктриной «в том, что касается семейных и личных дел», правительству Норвегии следует ограничить свободу вероисповедания: «Комитет выразил особое беспокойство в связи с содержащимися в норвежском законодательстве положениями, освобождающими некоторые религиозные общины от соблюдения Закона о равных правах. Поскольку женщины нередко испытывают большую дискриминацию в семейных и личных делах в определённых общинах и в сфере религии, они обратились к правительству Норвегии с просьбой внести в Закон Норвегии о равном статусе поправку, отменяющую исключения в сфере религии» (цит. по: Fagan, Saunders, and Fragoso 2009, 24-25).

Также и касательно Индонезии «члены Комитета заявили о недопустимости того, чтобы культурные и религиозные ценности подрывали универсальность прав женщин», то есть узаконенные аборты.

На самом деле, похоже, что источником большинства проблем является именно свобода вероисповедания: «Во всех странах наиболее существенными факторами, ограничивающими возможность женщин участвовать в общественной жизни, являлись культурные рамки ценностей и религиозных убеждений» (цит. по: Fagan, Saunders, and Fragoso 2009, 24-25).

Чиновники Комитета сами признают, что не ограничиваются просто обеспечением соблюдения существующих прав, но и создают новые, прямо противоположные ценностям

большинства стран права. Специальный докладчик ООН по вопросам о насилии в отношении женщин признаёт, что «больше всего возражений вызывает вопрос сексуальных прав»:

Право [стран] на самоопределение противопоставляют статьям Конвенции, обязывающим государства исправлять любую несогласованность международного законодательства в сфере прав человека и действующих на их территории религиозных норм и норм обычного права. <...> Хотя международное законодательство в сфере прав человека и совершенствуется с целью удовлетворить потребности международного движения за права женщин, в реальности во многих обществах права женщин встречают сопротивление со стороны альтернативных форм культурного самовыражения. <...> Упомянутое движение не только вводит новые интерпретации существующей теории прав человека, <...> но также и вводит новые права. Больше всего возражений вызывает вопрос сексуальных прав. <...> Можно лишь надеяться на то, что общечеловеческие ценности свободы и достоинства личности восторжествуют над попытками патриархальных сил ограничить поле деятельности женщин домашним очагом. (Coomaraswamy 1997)

С чисто практической точки зрения, некоторые наблюдатели высказывают сомнение, можно ли вообще достичь чего-либо соглашением, которое большинство подписавших его стран, по всей видимости, просто игнорирует. «Такие страны-участницы Конвенции как Саудовская Аравия, Бирма, Йемен и Северная Корея не предприняли практически никаких шагов по реформированию своего законодательства, социальной политики и обычаев – даже после предостережений со стороны Комитета по вопросу её соблюдения», – отмечает Хофф Соммерс (2010, 4).

В конце концов, полное равенство полов, каким его представляют себе феминистки, практически недостижимо, потому что женщины преследуют в жизни иные практические цели, чем мужчины, особенно после рождения детей. Неясно даже, может ли хотя бы одна страна добиться полного соответствия требованиям Конвенции об устранении «всех форм» гендерных стереотипов, не прибегая к наиболее грубым способам вмешательства в интимные подробности личных жизней и мыслей своих граждан – хотя чиновников Комитета такие методы, по всей видимости, устроили бы. «К примеру, если женщины стабильно берут на себя заботу о воспитании детей чаще, чем это делают мужчины, Комитет даёт рекомендации, как изменить подобную ситуацию – как правило, при помощи спущенных сверху квот и мероприятий по «повышению степени осведомленности», – пишет Хофф Соммерс (2010, 15). Члены Комитета недавно рекомендовали запустить в Испании всеобщую «программу мероприятий в целях повышения степени осведомленности о недопустимости гендерных ролей в семье»; призвали власти Финляндии «пропагандировать равное участие мужчин и женщин в домашних и семейных заботах»; поручили правительству Словакии «ориентировать мужчин на равное участие в семейных заботах и обязательствах»; потребовали от представителей Лихтенштейна объяснений о проекте «Дня отцов» и напомнили, что те должны «ликвидировать гендерные стереотипы» (Hoff Sommers 2010, 16-17).

Дети-жертвы: Конвенция о правах ребёнка

Если Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин считает угнетателями женщин мужчин, Конвенция ООН о правах ребёнка (CRC; UN General Assembly 1989) выставляет угнетателями детей их родителей. Политические последствия данного соглашения ещё более обширны.

ООН и прочие международные организации давно высказывали обеспокоенность страданиями детей. Однако, по их собственному признанию, за несколько десятилетий усилий положение, как представляется, почти не изменилось:

Несмотря на всеобъемлющую систему правовых актов, стандартов и декларированных обязательств по вопросам защиты прав ребёнка и уже проделанные

шаги в достижении утверждённых целей, реалии повседневной жизни миллионов детей по всему миру резко контрастируют с заявленными обязательствами и целями. Дети по-прежнему вынуждены бороться за своё выживание, лишены возможности получать качественное образование, адекватное медицинское и социальное обслуживание; они страдают от худших форм эксплуатации детского труда, сексуальной эксплуатации и преступлений сексуального характера, болезней, вооружённых конфликтов, различных видов насилия; их принуждают вступать в ранние браки и переносить вредные традиционные практики. Дети, принадлежащие к уязвимым группам населения, или дети в особо трудных жизненных обстоятельствах подвергаются особым рискам, оказываются жертвами дискриминации, маргинализации и социальной изоляции. (*European Union Guidelines n.d.*, 3)

Однако неясно, как можно оградить детей от этой сборной солянки из расплывчато описанных и несопоставимых ужасов при помощи какого-то там договора. Большинство упомянутых проблем проистекают, в первую очередь, из свойственной многим странам хронической нищеты и нестабильности. Большинство из них нельзя классифицировать как преступление ни в одном из законодательно определённых смыслов этого слова. Использовать их как предлог для того, чтобы изымать детей, вбивать клин между детьми и их родителями и выставять родителей преступниками – циничный популизм худшего пошиба и всего-навсего очередная форма эксплуатации детей, во многом ещё более жестокая, чем та, что им и так приходится переносить. И уж точно нельзя решить указанные проблемы, отнимая детей у их родителей в индустриализованных демократических странах. Тем не менее, ловким движением рук Конвенция о правах ребёнка превращается именно в инструмент изъятия детей.

В посягательстве не только на национальный суверенитет, но и на полномочия народных представителей на федеральном, региональном или местном уровне Конвенция о правах ребёнка заходит ещё дальше, чем Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Она обходит содержащиеся в конституциях стран нормы и гарантии прав граждан и радикально умаляет полномочия родителей. Данная Конвенция ставит под сомнение любую власть ниже уровня ООН: родителей и семью, местные и региональные власти, федеральные и национальные правительства; полномочия каждой из них переходят на уровень выше и, в конце концов, к самой ООН. Как пишет об этом один из симпатизирующих данной тенденции авторов, «идеология Конвенции о правах ребёнка создаёт условия, в которых государство может вмешиваться там, где это необходимо» – не только в вопросы экономики и социальной политики, но и в самые интимные аспекты личной жизни (Van Bueren 1999, 692). Конвенция о правах ребёнка (подобно Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, но только в ещё большей степени) не только не ограничивает полномочия государства, но и, наоборот, оправдывает их расширение.

Благодаря этой Конвенции вопросы, доселе выходившие за рамки определённых собственными конституциями полномочий государств, станут сферой прямого законодательно одобренного вмешательства. В странах наподобие США, где семейное законодательство (по крайней мере, в теории) относится к компетенции штатов, а не Вашингтона, Конвенция о правах ребёнка передаёт федеральному правительству целый ряд ранее принадлежавших штатам полномочий, в их числе полномочия определять политику в таких сферах как образование и здравоохранение. Более того, федеральные и национальные правительства сами делаются марионеткам ООН и её наблюдательного Комитета. В итоге за бортом оказывается сам принцип федерализма, основополагающий для Конституции и системы правления Соединённых Штатов.

США были единственной из стран, не ратифицировавшей Конвенцию о правах ребёнка. Ратификация имела бы колоссальные последствия, как для самих американцев, так и для жителей

других стран, и причиной тому не масштабы и политическое влияние страны, но уникальные принципы, по которым в ней осуществляются международные договоры.

Во времена написания Конституции США международные договоры всё ещё выполняли свою традиционную роль: регулировали отношения между суверенными государствами. Поскольку по представлениям того времени подобные соглашения регламентировали исключительно внешнеполитические вопросы, отцы-основатели США решили, что их можно решать силами одних только президента и Сената, без участия Палаты представителей. Считалось, что, хотя её члены и являются народными избранниками, им уместнее заниматься не дипломатией, а вопросами внутренней политики. Но по мере того, как международные соглашения начинают походить на регулирующие поведение отдельных граждан законы, заложенные в Конституции принципы заключения этих договоров превращаются в лазейку, через которую влиятельные группы лиц могут протаскивать законы в обход демократически избранной Палаты представителей.

К тому же, ратифицируй Америка Конвенцию, это имело бы намного более далеко идущие последствия для неё же самой. Во всех прочих странах приведение в исполнение положений международного договора – вопрос политический, часть внешнеполитического курса государства. Внутригосударственные суды международными отношениями не занимаются, и потому положения этих договоров по их решению принудительно осуществляться не могут. И только в США согласно Конституции международные соглашения приобретают статус «высшего права страны», наравне с ней самой. Это требование Конституции означает, что американские суды автоматически обязаны принимать решения о принудительном осуществлении их положений в судебном порядке, без обращения в международные суды (Farris 2005).

И хотя в теории Комитет по вопросу соблюдения Конвенции о правах ребёнка лишь «консультирует» подписавшие её государства, в случае с США толкование чиновниками Комитета критериев соблюдения будет само по себе являться источником права – то есть, по сути, иметь для американской судебной и исполнительной власти и американских родителей обязательную силу. Таким образом, не только семейная политика США, но и то, как взаимодействуют между собой в своей личной жизни члены всех американских семей, будет определяться кучкой феминистов и феминисток, возглавляющих ООНовский комитет.

Осуществить подобный переворот помогает сомнительная концепция, по которой нормы «международного обычного права» якобы позволяют использовать в решениях национальных судов положения международных договоров, *даже если таковые не были ратифицированы*. В решении по делу «Лоуренс против штата Техас» (539 U.S. 558 [2003]) Верховный суд США отменил действие техасского закона о запрете содомии со ссылкой на международное законодательство, а также уже дважды ссылался на документы Комитета по правам ребёнка в своих решениях. В первом деле обвиняемому грозила смертная казнь (*Roper v. Simmons* [543 U.S. 551 (2005)]), во втором – пожизненное заключение (*Graham v. Florida*, Docket Number 087412 [2010]). Применяли положения нератифицированных международных договоров и американские федеральные суды низшей инстанции.

Таким образом, для того, чтобы даже *нератифицированный* договор можно было объявить «высшим правом страны» – наравне с самой Конституцией – достаточно одного лишь мнения судейского истеблишмента, кровно заинтересованного в расширении собственных полномочий.

Подобные отсылки к «международному обычному праву» лишают право всякой конкретики, вплоть до полного его нивелирования. Сама эта практика изначально относилась лишь к весьма ограниченному числу не вызывавших сомнения вопросов. Поскольку в сфере международного права не существовало авторитетного органа типа законодательной власти, из решений которого и строилось бы международное законодательство, юристы решили кодифицировать существующую «обычную» (в смысле «повсеместную») судебную практику. Это имело отношение

к таким не вызывавшим разногласий понятиям как дипломатическая неприкосновенность и пиратство. «Для возникновения международного общего права требуется соблюдение трёх условий», – пишет Остин Руз:

Во-первых, должна иметься всеобщая единообразная государственная практика. Это значит, так должны поступать суды всех стран. Во-вторых, таковая практика должна была иметь место на протяжении долгого времени. Она не может возникнуть в одночасье или даже лет двадцать-тридцать назад. В-третьих, практика эта должна осуществляться на основании того, что государство считает себя к этому законодательно обязанным. Это весьма высокие требования, и это объясняет, почему столь немногие моменты считаются международным общим правом.

Международное общее право не может возникнуть ни на основании необязательных к исполнению документов, ни за всего лишь какие-то 15 лет. На это уходят десятилетия, даже столетия. (2010)

Однако же, в последние годы радикально настроенные борцы за сексуальные и гендерные нововведения пытались ускорить процесс принятия своих крайне оригинальных взглядов в качестве «общего» права. Даже несмотря на то, что взгляды эти вызывали острые разногласия, а пропагандируемые ими формы поведения не были сколь бы то ни было распространённой практикой. «Сторонники абортот стараются доказать, что для возникновения нормы международного общего права достаточно N-ное число раз повторить в юридически необязывающих документах ООН фразу «репродуктивное здоровье» (Ruse 2010).

Подобный приём превращает право в сборную солянку, куда в качестве очередной нормы юристы могут добавлять любую понравившуюся им новомодную идеологию. Не нужно ни законодательной власти, чтобы её предписывать, ни граждан, чтобы её одобрять, ни референдумов, чтобы её ратифицировать, ни механизмов, чтобы её можно было аннулировать, и никто никогда не будет нести за это ответственность. Никто за это не голосовал, никто этого не писал. Чтобы объявить любую пришедшуюся им по душе новую причуду «обычаем», элитарной клике судей достаточно лишь высказать своё сиюминутное мнение, не более того. Им даже не нужно формулировать, что конкретно включает в себя то или иное понятие. Пусть абсолютное большинство жителей Земли никогда о нём не слыхало, не одобряло или даже решительно против него возражает, оно просто в мгновение ока становится всемирным «законом».

Суть Конвенции о правах ребёнка в том, что она направлена против родителей. Она позволяет государствам и даже требует от них отменять любое решение родителей, если оно противоречит мнению государственного соцработника. Дети могут апеллировать к государству по поводу любого не нравящегося им домашнего задания или родительского запрета. Вопросы, доселе выходившие за рамки определённых собственной Конституцией полномочий федерального (да и любого другого) правительства, станут сферой прямого законодательно одобренного вмешательства. Авторитарность этой Конвенции и её стремление подчинить себе всё и вся ёмко выражены в метком замечании, что, стоит её подписать, «шлепок по попе станет федеральным преступлением» (Farris 2008, 5).²

Ключевым моментом Конвенции является передача государству права определять «интересы ребёнка». Любого ребёнка. Казалось бы, это не должно вызывать возражений. Однако, как уже убедились на примере собственного семейного законодательства американцы, британцы и многие другие, критерий «интересов ребёнка» практически несовместим с правами родителей и семьи. Он позволяет чиновникам решать, что «в интересах» чужих детей, а что нет, тем самым лишая этой прерогативы не совершавших никакого преступления родителей. Фактически он передаёт

² Комитет по соблюдению Конвенции о правах ребёнка уже призывал объявить шлепки преступлением. См. Fagan, Saunders, and Fragoso 2009, 15-16.

руководство над детьми от их родителей чиновникам, вплоть до полного изгнания невиновных в глазах закона родителей из жизни их детей (Baskerville 2007, chap. 1).

На протяжении многих веков считалось, что законной властью над своими детьми, если только они её по той или иной причине не лишились, обладают родители. «То, что несовершеннолетних детей представляют их родители, столетиями считалось правовой нормой, — отмечает судья Верховного суда США Поттер Стюарт. — Настолько глубоко укоренена в наших традициях эта доктрина, что сама Конституция Соединённых Штатов Америки обязывает её соблюдать» (цит. по: Baskerville 2007, 78). Именно родители, а не государство, должны решать, что в интересах ребёнка, а что нет, иначе они — не родители. Суды издавна признают, что «родителей побуждают действовать в интересах своих детей естественные узы привязанности» (цит. по: Baskerville 2007, 78).

Однако последние нововведения в семейном законодательстве Америки, Великобритании и других стран уже почти что отменили данный принцип без ведома большинства родителей. И виной тому, несомненно, не одна только Конвенция о правах ребёнка. Несмотря на процитированные, казалось бы, однозначные судебные прецеденты, сегодня в семейном законодательстве США нормой считается диаметрально противоположное: как свидетельствует один юрист-практик, «считается, что интересы ребёнка не зависят от точки зрения родителей и для защиты интересов ребёнка их решения должны пересматриваться судом» (Williams 1994, 2).

Конвенция позволит критикам исходного принципа апеллировать к авторитету международной общественности. Профессор Ван Бюрен честно признаёт, что «принцип интересов ребёнка даёт политикам и специалистам право решать за детей или их родителей — при условии, что в этом они руководствуются этими самыми интересами. Таким образом, *Конвенция ставит под вопрос представление о том, что в интересах ребёнка — жить в семье и что родителям всегда виднее, что лучше для их детей*». (1998, 46, выделение моё). Однако подменяющие их представления о том, что в интересах ребёнка — когда государство вмешивается в его семейную жизнь, и о том, что чиновникам всегда виднее, что лучше для чужих детей, она под вопрос не ставит! Чиновники считают, что детям не нужны родители и семья и что, отнимая детей у родителей, они не обязаны давать последним никаких объяснений, кроме как «нам виднее».

Большинство судебных дел, в которых разрушаются права родителей — дела о разводе, ведь именно в них и был выработан сам принцип «интересов ребёнка». Отмечая, что критерий интересов ребёнка «также применяется в делах о разводе на том основании, что семья, как считается, уже разрушена», Майкл Фаррис замечает: «Если это соглашение [Конвенция о правах ребёнка] обретёт законную силу, перед лицом закона все родители получат тот же статус, что сейчас имеют родители, дурно обращающиеся со своими детьми: ведь государство получит право отменять любое их решение, кажущееся противоречащим интересам ребёнка» (2006; см. также: Baskerville 2007, chap. 1). Именно такой статус сейчас имеют разведённые родители — вне зависимости от того, дурно они обращались с ребёнком или нет и способствовали они разводу либо соглашались на него — или нет.

С этим связана ещё одна норма, требующая обеспечивать «право ребёнка на участие в принятии решений» по всем касающимся его вопросам. В Статье 12 значится, что «Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка» (UN General Assembly 1989). Но покажите мне ребёнка, не «способного сформулировать собственные взгляды»! И чьё стремление указывать детям, какие нужно делать уроки к школе, какую выполнить работу по дому и когда лечь спать, должно государство ограничить, чтобы «обеспечить», наконец-то, детям право свободно выражать свои взгляды по этим вопросам? Норма эта, на самом деле, призвана узаконить «право» детей не слушаться родителей и восставать против них, причём

государство при поддержке международного права встаёт на сторону детей. «Потенциально Конвенция о правах детей может защитить даже право ребёнка не соглашаться с образовательными планами родителей на философских основаниях», – пишет Ван Бюрен (1995, 745). Вот только как определить, на «философских» основаниях ребёнок не соглашается или нет? В чём разница между таким вот ребёнком и ребёнком, который просто подводит «философское основание» под своё нежелание делать уроки?

Притязания Конвенции на защиту права ребёнка на «личную жизнь» вообще кажутся жестокой иронией. Статья 16 постановляет, что «ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции» и что «ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства». Но, опять-таки, вопрос в том, от кого в первую очередь, как не от собственных родителей, он будет его защищать? Представлять чиновникам право защищать неприкосновенность «личной жизни» ребёнка само по себе значит давать им право нарушать неприкосновенность семейной жизни. Этот пример показывает, как концепция личной жизни – сама по себе здравая (и часто принижаемая защитниками прав семей) – вне контекста семьи лишается смысла.

Когда речь идёт о защите взрослых от репрессий со стороны государства, все эти положения кажутся безобидными и даже похвальными. Однако применительно к детям, на практике они неизбежно упраздняют родителей и все прочие власти, подчиняя ребёнка непосредственно государству. Этот пример наглядно демонстрирует, насколько неотъемлемым условием свободы является наличие института семьи. Без семьи как связующего звена между государством и частными лицами все эти заявления о защите «прав», «свобод» и «личной жизни» легко могут оказаться обещаниями лисы охранять курятник.

Данные положения Конвенции позволяют чиновникам надевать мантию защитников и выразителей интересов чужих детей – детей, которых они не знают и не любят. Альтруизм этих чиновников принимается на веру, родителей же поносят как эгоистов, преследующих собственные интересы (якобы отличные от интересов их детей). Как пишет одна исследовательница, в этом выражается следующая точка зрения: «В решении любых вопросов во главу угла нужно ставить интересы ребёнка. Если ребёнок способен ясно выразить свой взгляд на тот или иной вопрос, ему нужно предоставить адвоката, который по его указанию представит это мнение в суде, где судья должен его серьёзным образом рассмотреть. Даже если ребёнок не может ясно выразить свой взгляд на вопрос, адвокат может представить свою оценку потребностей ребёнка, ориентируясь на интересы последнего. Поскольку интересы ребёнка могут отличаться от интересов одного или обоих его родителей, мнение ребёнка должно быть представлено в суде». То, что здесь называется «мнением» ребёнка, высказывается за него юристом или каким-нибудь ещё государственным чиновником. Родители не имеют над своим ребёнком никакой власти кроме права высказать собственное «мнение», которое чиновники могут по собственному желанию учесть либо проигнорировать: «Однако выражать мнение ребёнка не обязательно означает создавать конфликт с мнением родителей. Прислушиваться к детям не значит не прислушиваться к родителям или иным участникам дела. Главное – чтобы мнение ребёнка звучало наравне с мнением другой стороны» (Elrod 2007, 869, 882-83).

Действительно, сложно представить, какую иную цель кроме затыкания ртов и устранения родителей (и тем, по сути, разрушения семьи) может преследовать Конвенция о правах ребёнка. «Когда родители в Ирландии или Великобритании не удосуживались спрашивать, хотят ли сами их дети оставаться на уроках сексуального образования, ни один защитник прав детей не возмущался, – пишет Фаррис. – Как никто не возмущается и когда они, не спрашивая мнения ребёнка, решают отдать его в государственную школу». Фаррис приходит к выводу, что «по всей

видимости, защитники прав детей обращают внимание на их желания только в тех случаях, когда родители хотят чего-то, что не совпадает с желаниями правительства» (2008).

Вся система защиты прав детей пытается использовать непокорность детей и подростков как оружие против их родителей. Как пишут авторы одного исследования, «в норме, когда дети противятся родителям, общество это осуждает. Однако чиновники ООН пытаются внедрить в наши законы нормы, поощряющие подобное бунтарство». Они приводят следующий пример: «В ответе на доклад Белиза Комитет рекомендует властям этого государства внедрить правовые механизмы, которые помогали бы детям оспаривать решения своих родителей, в том числе создать для них «ориентированную на интересы детей независимую процедуру рассмотрения жалоб на нарушение их прав и представления способов их защиты». Иными словами, Комитет предлагает правительству Белиза создать некую *организацию по надзору над родителями*, с чьей помощью дети могли бы оспаривать воспитательные методы своих матерей и отцов в суде» (Fagan, Saunders, and Fragoso 2009, 13, выделение авторское).

Конвенция также позволяет ООНовским и правительственным чиновникам требовать выделения средств на реализацию тех или иных программ и, по сути, управлять государственным бюджетом. В одном из своих докладов члены Комитета отчитывают правительство Молдовы (беднейшей из стран Европы) за «недостаточную финансовую поддержку из средств государственного бюджета»: «Комитет настоятельно рекомендует государству-участнику <...> дополнительно увеличить объем бюджетных ассигнований на осуществление прав, закрепленных в Конвенции» (UN Committee on the Rights of the Child 2009, 3-4). Прикрываясь лозунгом защиты прав человека, ООН вместо того, чтобы бороться с репрессиями, пытается диктовать суверенному государству, на что ему тратить деньги. Члены Комитета подвергли правительства Австрии, Австралии, Дании, Великобритании и других стран сходной критике за то, что те тратят недостаточно денег на то, на что хотелось бы Комитету. Согласно текущей интерпретации Конвенции чиновниками Комитета, государство не вправе тратить на оборону больше, чем на социальную помощь детям (Farris 2008). Федеральные власти США получили бы полномочия регулировать образование, здравоохранение, семейную жизнь и любую другую сферу жизни, если этого пожелает ООН.

Как и любая другая социалистическая система, аппарат ООН также предоставляет её чиновникам возможность финансово поощрять своих любимчиков – в данном случае, организации, профессионально занимающиеся социальной помощью детям. ООН требует, чтобы налогоплательщики Молдовы оплачивали счета лоббистов (иносказательно называемых «гражданским обществом») и «рекомендует государству-участнику оказывать финансовую и материальную помощь НПО [неправительственным организациям], работающим в области защиты и поощрения прав ребенка» (UN Committee on the Rights of the Child 2009, 4-5). Несмотря на якобы альтруистическую цель обеспечения благополучия детей, под предлогом которой они действуют (напоминающую о своекорыстном лозунге времён коммунизма «Всё лучшее – детям»), чиновники ООН банально доят Молдову и, делая своих приближённых частью государственной машины, переправляют налоговые поступления от её доведённых до нищеты граждан в их карманы. Таким методом создаются, как некоторые их называют, «НПОПы» – оксюморон, означающий «неправительственную организацию при правительстве». «Сколько денег может получать НПО от правительства, оставаясь при этом НПО? – задаются вопросом в Parental Rights, организации, борющейся со злоупотреблениями Комитета. – Если правительство Молдовы удовлетворит желание ООН и начнёт спонсировать эти неправительственные организации, что же в них останется «неправительственного»?» (Parental Rights n.d.).

Попытки Комитета подмять под себя и узурпировать власть просто ошеломляют. Фактически, авторитет и власть родителей, демократически избранных правительств всех уровней и конституций всех государств мира хотят сложить к ногам ООНовского комитета, состоящего из

восемнадцати никем не избранных феминистов и феминисток. По сути, это влагает бразды мирового правления в чиновничий вариант той самой, быть может, могущественнейшей руки на земле – «руки, качающей колыбель».

Охрана правопорядка как вопрос прав человека

Логику двух упомянутых выше международных конвенций продолжает новая, самая впечатляющая угроза правам человека во имя их же самих: попытка превратить охрану правопорядка в вопрос защиты «прав человека» – но не обвиняемого, а обвинителя. По этой логике человек, обвиняемый в совершении преступления, нарушил права человека-жертвы; он помещается на одну скамью с тиранами и диктаторами – иными словами, обвинения политизируются, и обвиняемый на основании практически одного лишь факта обвинения в обход предусмотренной законом правовой защиты превращается в виновного.

И снова, главный удар сосредоточен в законодательстве в сфере семьи и различия полов. Последнее слово моды в законодательстве по правам человека – движение за классификацию «насилия в семье» как нарушения прав человека. «До недавнего времени трудно было и представить, чтобы насилие в семье рассматривалось в международном праве как нарушение прав человека», – признают учёные-феминистки (Thomas and Beasley 1993, 37). Тому есть вполне логичное обоснование: сфера «прав человека» сводилась к преступлениях государств по отношению к своим гражданам, а не банальным уголовным преступлениям. Даже по формальным признакам насилие в семье с темой прав человека никак не связано. Никто даже и не думает считать грабёж и поджог нарушениями прав человека, если только они не совершаются представителями государственной власти. Это преступления, за которые система уголовного правосудия либо предусматривает наказание, либо нет. Если нет – значит, система неработоспособна, но проблемы системы не имеют ничего общего с правами человека. «В традиционной практике прав человека государства привлекаются к ответственности лишь за действия, совершаемые ими самими непосредственно либо через представителя. Таким образом, действия исключительно частных лиц – такие, как акты домашнего насилия – выносятся за рамки ответственности государства, – признают сами феминистки (41). – Систематическое нежелание государства привлечь к ответственности частных лиц, занимающихся вооружённым разбоем, само по себе не является нарушением прав человека; оно лишь указывает на имеющиеся проблемы с системой уголовного правосудия» (42). Утверждать обратное означало бы целиком перенести всю систему уголовного правосудия в сферу «прав человека». «Государство не может нести прямую ответственность за все совершаемые частными лицами насильственные действия, потому что иначе все насильственные преступления являлись бы нарушениями прав человека, за которые согласно международному законодательству оно несло бы прямую ответственность» (43). Другим следствием, о котором авторы умалчивают, явилось бы то, что субъектом, напрямую подчиняющимся международному законодательству, были бы уже не одни только государства, в которых проживают эти частные лица, но и сами они.

Однако же, именно в этом направлении нас подталкивают феминисты-теоретики и их коллеги: нужно заменить аполитичное уголовное законодательство с предусматриваемой им правовой защитой обвиняемых политически ангажированной формой преследования, свойственной общественным правозащитным кампаниям против тиранов и диктаторов. Результат предсказуем, но не лишён некоторой иронии: идея «прав человека» превращается в призыв к «правосудию толпы» – но уже не в отношении политиков и публичных фигур, а в отношении невиновных перед лицом закона частных лиц, у которых, в отличие от политиков, нет трибуны, с которой они могли бы публично отстаивать свою невиновность. «Однако же, в последнее время идея ответственности, которую несёт государство, расширилась и теперь включает в себя ответственность не только за совершённые непосредственно им действия, но и за систематическое нежелание преследовать по закону действия, [якобы] совершаемые

низкопоставленными либо околосударственными представителями властей или частными лицами. В подобных ситуациях, хотя по факту государство и не совершает [якобы имеющее место] исходное преступление, его нежелание расследовать эти [якобы имеющие место] преступления равносильно соучастию в них» (Thomas and Beasley 1993, 41).

Чем же оправдано подобное правовое нововведение? И вновь – защитой якобы угнетаемых женщин, хотя ни определения, что же конкретно подразумевается под «угнетением», ни доказательств самого факта его наличия практически не приводится. «Современные исследования говорят о том, что <...> семья не только не является для её членов безопасным пристанищем, но и может стать «колыбелью насилия», и что львиная доля этого насилия направлена против женщин» (Thomas and Beasley 1993, 43-44, цит. из Connors 1989).³ Никаких доказательств бытования неутончённых форм «насилия», на которые туманно намекают авторы, они не приводят. Одна группа исследовательниц цитирует другую исследовательницу, которая ссылается на некие «исследования», из которых ссылку приводит лишь на одно – за авторством ООН. Процитированное ООНовское исследование также не содержит ни конкретики, ни доказательств, лишь расплывчатые обобщения: «Женщин, <...> как оказалось, лишают основных прав человека. Им не только отказывают в равных с другой половиной населения Земли, мужчинами, правах, но также и зачастую лишают свободы и достоинства, а во многих ситуациях напрямую нарушают их телесную и психическую автономию» (Connors 1989, 3). В чём конкретно заключается «нарушение телесной и психической автономии» не объясняется, но некие неупомнутые лица, по видимости, в нём виновны и должны – безо всякого суда – понести за это наказание.

На самом деле, феминистки сами соглашались с тем, что доказательств своих заявлений о поголовном насилии в семье у них нет. «Несмотря на существование множества разрозненных рассказов о повсеместном распространении насилия в семье, собрать неопровержимые доказательства или масштабные статистические данные по конкретным случаям убийства, избиения или изнасилования одного из супругов другим зачастую представляется трудным или даже вовсе невозможным, – признают двое из их коллег. – Государственная статистика по числу убийств не учитывает пол жертв, а статистика по числу избиений и изнасилований, даже если и доступна, обычно оказывается собрана вручную и без систематического подхода» (Thomas and Beasley 1993, 57). Иными словами, никаких доказательств того, что существует какое-то отдельное от всех прочих преступлений «насилие в семье», не существует.

В реальности уже давно доказано, что крепкая семья – самое безопасное место для женщин и что большинство случаев насилия происходят после разрушения семей (Baskerville 2007, chap. 4). Сторонники феминизма не только не располагают доказательствами своей теории «колыбели насилия», но и игнорируют данные, ясно демонстрирующие прямо противоположное.

Даже если бы они и могли предоставить искомые доказательства, по-прежнему непонятно, как то, что статистика подтверждает наличие определённого вида правонарушений, оправдывает переклассификацию их из уголовных преступлений в нарушения международного законодательства в сфере прав человека? Насилие в семье якобы относится к нарушению прав человека, потому что включает в себя «дискриминацию». То, что якобы имеющие место насильственные преступления описывают как акты «дискриминации», уже само по себе довольно необычно (вероятно, стоило бы поинтересоваться у жертв уличного грабежа или вооружённого разбоя, многие ли из них рассматривают себя как, в первую очередь, жертв «дискриминации»?). Но это, как утверждают, оправдано «распространённым нежеланием государств преследовать совершающих эти преступления лиц и исполнять свои международные обязательства гарантировать женщинам равную защиту закона» (Thomas and Beasley 1993, 48). Однако даже если принять подобную точку зрения, доказательств этого якобы распространённого нежелания не

3 Кэтрин Мур (2003, 95), как и прочие феминистки, цитирует этот пассаж, точно так же не приводя никаких конкретных доказательств.

предоставлено – потому что, как исследовательницы снова признают, таковые попросту отсутствуют: «Хотя правительство по-прежнему не сообщает подробностей того, как оно борется с данной проблемой, исследования дают основания предполагать, что случаи домашнего насилия расследуются, рассматриваются в суде, а преступники приговариваются к наказанию намного реже, чем в случае иных, сопоставимых преступлений» (Thomas and Beasley 1993, 46). Но никаких выходных данных упомянутых «исследований» вновь не приводится.

На самом деле, все эти утверждения не только голословны, но и, как уже доказали авторитетные учёные, прямо противоположны действительности. Даже если мы примем теорию «дискриминации», её опрокидывает один-единственный неоспоримый факт, о котором сами феминистки умалчивают: не существует доказательств того, что «насилие в семье» совершается главным образом по отношению к женщинам. Наоборот, проводившиеся в последние несколько десятков лет (в том числе представителями феминизма) исследования вполне доказали, что мужчины становятся жертвами насилия в семье примерно так же часто, как и женщины (Fiebert 2010). Этот вывод уже сам по себе говорит о том, что «насилие против женщин» весьма затруднительно классифицировать как «дискриминацию», а ведь иных причин выводить его из сферы обычного уголовного права не было и нет.

Что же касается утверждений о том, что совершающие насильственные преступления в семье приговариваются к наказанию «намного реже» обычных преступников, реальное положение вещей вновь диаметрально противоположно заявляемому. На самом деле, даже в рамках внутригосударственного права насилие в семье рассматривается иначе, чем обычное преступное посягательство: уже появляются исследования, показывающие, что этих случаях применяются намного более суровые методы. «Менее строгие критерии предоставления доказательств и облегчённое бремя доказывания («перевес доказательств» вместо стандартного для уголовных дел «отсутствия обоснованных сомнений в виновности») позволяют судьям выносить обвинительный приговор и назначать наказание в случаях, когда доказательств вины обвиняемого не существует» (Verkaik 2001). Дэвид Хелениак называет законодательство о насилии в семье «крахом принципа соблюдения надлежащей правовой процедуры» (2005, 1042). В своей работе он приводит многочисленные обнаруженные им в законодательстве штатов случаи нарушения гарантий соблюдения предусмотренных законом процедур. В делах о насилии в семье далеко не всегда имеется презумпция невиновности, допускаются показания с чужих слов, а обвиняемые не имеют права на очную ставку с обвинителями (см. также: Young 2005). Дела о насилии в семье редко доходят до суда, почти никогда не рассматриваются присяжными, и ещё ни один обвиняемый в них не был оправдан. Авторы одного исследования обнаружили, что каждый, кого арестовывали по обвинению в совершении насилия в семье, получал наказание (Gover, MacDonald, and Alpert 2003, table 11). В Великобритании, Канаде и США специально для того, чтобы ещё оперативнее выносить заранее predetermined обвинительные приговоры и сажать ещё больше людей, были созданы особые «суды по делам о насилии в семье» (Baskerville 2007, chap. 4). Во многих судебных округах, к примеру, в округе Уоррен в штате Пенсильвания, обвиняемых под страхом лишения свободы заставляют подписывать заранее распечатанные шаблонные признательные показания, в которых утверждается: «Я подвергал свою супругу (своего супруга) физическому и психологическому насилию». Далее обвиняемые должны описать подробности, даже если они и утверждают, что никакого насилия не совершали. «За совершённое насилие несу ответственность я, – значит в этом документе. – Меня никто не провоцировал».

Совершенно ясно, что «насилие в семье» как отдельный вид преступлений было искусственно создано исключительно ради того, чтобы можно было обойти содержащиеся в уголовном праве гарантии соблюдения надлежащей правовой процедуры. Стенограммы выступлений адвокатов (в том числе то, с каким постоянством, перечисляя пункты обвинения, они опускают слово «якобы» и т.п.) демонстрируют презумпцию вины и стремление обеспечить подозреваемому обвинительный приговор. Новаторские «гендерные преступления» типа насилия

в семье существуют ровно для того, чтобы можно было приговаривать тех, чью вину нельзя установить при помощи доказательств. Стоит осознать этот факт, нетрудно увидеть, что описанный принцип прямо-таки просится применить его в сфере «прав человека»: преступления в этой сфере точно также лишены чёткого определения и строгих процессуальных норм, не возлагают на обвинителей тяжёлого бремени доказывания, крайне политизированы и благоприятствуют вынесению обвинительного приговора и назначению наказания.

Однако самое шокирующее в концепции «насилия» в семье то, что главной его особенностью – и это уже окончательно отделяет его от обычных насильственных преступлений – является в большинстве случаев отсутствие в нём собственно *насилия*. Недавнее постановление британского Верховного суда о том, что «критика» и «отказ давать деньги» являются формой насилия в семье, лишь закрепляет давно сложившуюся государственную практику ("Shout at Your Spouse" 2011). «Насилие в семье не ограничивается физическим насилием, – утверждает отвечающее за вопросы правоприменения Министерство внутренних дел Великобритании, – в него может входить психологическое, эмоциональное, сексуальное и экономическое насилие» (Tacket 2004, 1). Министерство юстиции США также включает в понятие домашнего насилия «подрыв самооценки и/или чувства собственного достоинства человека». «Насилие в семье может выражаться в действиях физического, сексуального, эмоционального, экономического или психологического характера, <...> оказывающих воздействие на другого человека», – провозглашают чиновники Министерства. Среди разновидностей преступлений, подпадающих под их определение «насилия», есть «постоянная критика, принижение способностей человека, обзывание» (U.S. Department of Justice n.d.). Короче говоря, насилием в семье может считаться практически всё, что угодно. Под давлением феминисток чиновники отвечающих за охрану правопорядка министерств манипулируют понятиями вплоть до полной утраты смысла, что даёт им свободу преследовать по закону практически любое деяние, которое они хотели бы выставить преступным.

Это помогает понять, почему же некоторые служители правопорядка раньше не горели желанием преследовать по закону некоторых якобы преступников: потому что ни о каком насилии речи не шло. Одна исследовательница-феминистка в завершении тирады о полицейских, якобы отказывающихся расследовать бесчисленные якобы происходящие по всему миру ужасающие случаи «насилия» в семье (взятые из очередного анонимного ООНовского доклада), внезапно оговаривается, что полиция, оказывается, придерживалась «узкого определения насилия в семье, включавшего лишь проявления физического насилия и, таким образом, исключавшего [не связанные с физическим – прим. переводчика] проявления сексуального и психологического насилия» (Moore 2003, 97.). Иными словами, полиция не возбуждала дел по факту «насилия», потому что никакого насилия не было.

Эта трудная для понимания непосвящённых, но примечательная деталь всех кампаний по борьбе с насилием в семье объясняет ещё одну тенденцию, наблюдая которую, многие приходят в лёгкое недоумение. В работах феминисток принято красноречиво и пространно разглагольствовать о том, почему насилие – это плохо. «Насилие – вопиющее оскорбление самой сути и основных принципов цивилизованности и гражданственности, – заявляет одна из таких учёных. – Насилие оскорбляет жизнь, достоинство и чистоту личности. Оно преступает базовые нормы мирного сосуществования» (Romanu 1993, 87). Все эти высокопарные высказывания, под которыми, казалось бы, подпишется каждый – точнее, каждый, кто полагает, что речь идёт о реальном насилии – нужны лишь для того, чтобы заткнуть рот тем, кто, узнай, вдруг, они, о каком конкретно «насилии» идёт речь, могли бы подумать, а не перегибает ли оратор палку.

Вам может показаться очевидным, что если в делах о насилии в семье кого и «дискриминируют» по половому признаку и лишают равной правовой защиты, так это обвиняемых-мужчин. И действительно, то, как в результате истерии по поводу насилия в семье мужчины подвергаются фактическому преследованию, вполне укладывается в стандартное описание

нарушений прав человека на манер худших из современных репрессивных режимов: здесь есть и откровенно сфабрикованные обвинения (Kiernan 1988; Epstein 1993; Kasper 2005; Dutton and Corvo 2006), и нестрогое соблюдение процессуальных норм, и особые политически ангажированные суды, выносящие одни лишь обвинительные приговоры. Однако же борцы за «права человека» не только молчат, но и активно одобряют и поддерживают подобную ситуацию.

Во всех других вопросах законодательства о правах человека права обвиняемых, особенно там, где обвинения вызывают вопросы, ставятся во главу угла. И между тем, в вопросах семьи и различия полов «правозащитники» становятся обвинителями и требуют привлечь к ответственности как можно больше людей, вплоть до отмены гарантий соблюдения надлежащей правовой процедуры. При помощи расплывчатых, многозначных формулировок обвинений в насилии в семье защитники прав человека во имя прав человека выступают в защиту всё большего и большего числа арестов и приговоров безотносительно того, есть ли доказательства вины обвиняемых или нет. Оказывается даже, что насилие в семье теперь приравнивается к «частным пыткам» (Meyersfeld 2003, 373) и что «Эмнести Интернэшнл» расценивает насилие в семье как форму пыток⁴. Подобные заявления демонстрируют, что их авторы готовы переосмысливать значения слов в лучших традициях «1984» Оруэлла, и обесценивают движение за отмену пыток в подлинном смысле этого слова.

Сторонники переосмысления понятия «права человека» стремятся политизировать деятельность правоохранительных органов, это очевидно из того факта, что они призывают не ограничиваться уголовным преследованием преступников; они хотят повлиять на политические взгляды общества. Нам внушают, что «насилие в семье носит неслучайный характер – оно направлено против своих жертв именно как женщин и совершается с целью воспрепятствовать им в осуществлении их прав. По сути, это один из главных методов удержания женщин в подчинённом положении». Феминистки высмеивают «ошибочные выводы, дескать, для устранения насилия в семье достаточно посадить [якобы?] виновных наравне с прочими преступниками» – иными словами, принцип равенства перед законом. Вместо этого, в дополнение к уголовному преследованию власти должны ещё и указывать своим гражданам, каких взглядов те должны придерживаться. «Международное сообщество» должно иметь полномочия «предписывать государствам принимать те или иные социальные программы для исправления дискриминирующего отношения». Деятельность правоохранительных органов становится неотделимой от политической идеологии, насаждать которую среди населения (за его же счёт) становится вопросом соблюдения «прав человека». «По мере дальнейшего развития в международном праве концепции ответственности государства, организациям, борющимся за права человека, будет проще привлекать государства к ответственности за нежелание активно бороться с социальными, экономическими и культурными факторами, способствующими и увековечивающими насилие в семье» (Thomas and Beasley 1993, 58-60). Нужно заставить людей понять, что корень проблемы – в их собственных идеологически невыверенных взглядах (или, как называет это одна исследовательница, «вероломных мыслях»), которые государственная машина должна выкорчевать, ибо именно они «составляют основу всех форм дискриминации и насилия против женщин». Для этого потребуется спущенная сверху программа перевоспитания «с целью реформы существующих идеологических, социальных и культурных конструкторов, так или иначе увековечивающих представление о том, что мужчины превосходят женщин». «Чтобы изменить отношение людей к религиозным и культурным практикам, необходимо незамедлительно ввести подобные образовательные программы» (Moore 2003, 106-10).

Вот мы и дошли до логически следующих из этой идеологии выводов в лучших традициях сталинизма. Оказывается, в угнетённом положении женщин виновата уже не дискриминация, а

4 После публикации Baskerville 2010 эта строчка исчезла с сайта «Эмнести Интернэшнл», но сохранилась в виде цитаты на феминистских сайтах: см., к примеру, <http://evilsutopia.com/2008/10/domestic-violence-awareness-month-2008.html> и <http://momma-momo.livejournal.com/> (ссылки доступны по состоянию на 28 января 2010 г)

ровно то, за что сами же феминистки и боролись: *равенство* полов. Оба пола равны, но один из них теперь равнее:

Нельзя относиться к насилию в семье как ко всего лишь вопросу равенства перед законом и, как следствие, делать стандартом, по которому мы должны оценивать обращение с женщинами, то, как наше общество обращается с мужчинами. Потому что этим мы, на самом деле, можем сослужить женщинам плохую службу и завуалировать причины, по которым насилие в семье – больше чем просто преступление. Вопреки нашим намерениям, сам увековеченный в международных договорах и международном обычном праве принцип равенства полов может лишь закрепить существующую в практике правоприменения гендерную предвзятость и затушевать тот факт, что законодательство о правах человека должно заниматься непосредственно гендерно-ориентированными преступлениями, а не только случаями гендерно-ориентированного нежелания обеспечивать женщинам равную защиту со стороны закона. Пусть даже в теории принцип равенства полов и ограничивается равноправием мужчин и женщин, на практике зачастую оказывается, что недостаточно поднять женщин в правах лишь до уровня мужчин. (Thomas and Beasley 1993, 61)

Всякое равенство полов – неравенство. Всякое ненасилие – насилие. Соблюдение предусмотренных законом процедур – нарушение прав человека. Всякое слово может означать всё, что угодно той или иной политической программе.

Но, несмотря на всё это, возможно, самое экстремальное из требований сторонников феминизма – это призыв к государствам во имя прав человека полностью подчинить себе семейную и личную жизнь своих граждан. «Жёсткое противопоставление в праве и в жизни общества частного и общественного отрицательно сказывается на осуществлении женщинами своих фундаментальных прав человека, в особенности, учитывая вред, наносимый им в случаях насилия в семье» (Moore 2003, 93). Члены узкого кровосмесительного кружка научного феминизма, словно заклинание, вновь и вновь повторяют этот лозунг не только от того, что сами отказываются признавать границы между общественным и частным, но и потому что рьяно добиваются их отмены. «Подлинные причины насилия в семье восходят к <...> представлениям о гендерных ролях и иерархии в семье. В результате рождается либеральная идея различия между частным/семейным и общественным/государственным» (Bahar 1996, 106).

Естественно, для того, чтобы наказывать по закону настоящих преступников, не требуется контролировать личную жизнь невиновных граждан. Преступления с применением реального физического насилия – неважно, в частном доме они были совершены или где-либо ещё – успешно преследуются по закону без нарушения неприкосновенности личной или семейной жизни, и уж тем более не отрицая существование таковой. Теоретики феминизма сами признают, что «поскольку насилие в семье в сущности своей является нанесением вреда другому лицу, принцип соблюдения неприкосновенности личной жизни и жилища на расследование подобных актов не распространяется» (Moore 2003, 104). Иными словами, уголовное преследование настоящих преступлений не требует упразднения личной жизни. И тем не менее, именно к этому они призывают. Вообще говоря, если у феминистских работ по правам человека (а то и у феминистских работ в целом) и есть лейтмотив, так это то, что любую сферу жизни человека, «не подконтрольную государству», нужно объявить вне закона. «Недостаток подобного контроля над сферой личной жизни проявляется в отсутствии <...> законов, направленных специально против насилия в семье» (в том числе «психологического» насилия) (Moore 2003, 93, 95). И пусть в обычных законах против насильственных действий никакого недостатка нет – феминистки вовсе не собираются защищать ничьё физическое здоровье, потому что ничего физического в этом «насилии» нет. Всё это – часть чисто политической программы по разрушению института семьи с помощью заведомо ложных обвинений и по присвоению государством прав распоряжаться

наиболее интимными сферами жизни своих граждан. «Пробел в контроле над сферой частной жизни <...> способствует и поощряет дальнейшее угнетение женщин и господство мужчин в основной ячейке общества, семье» (Moore 2003, 121). В уважаемых научных журналах учёные, зная, что никто не посмеет их упрекнуть, под копирку бесстрашно тиражируют заявления о том, что государство не должно признавать и уважать неприкосновенность личной жизни: «Дабы разрушить границу между общественной и личной жизнью, которая мешает распространить юрисдикцию прав человека на случаи насилия в семье, сейчас как никогда необходимо поместить гендерно-ориентированное насилие в контекст структурного неравенства положения женщин. Вместо того, чтобы беспокоиться о различии между общественным и частным, «здоровое» научное сообщество должно заняться проблемой структурного неравенства положения женщин» (Sullivan 1995, 133).

Короче, законы о насилии в семье созданы не для того, чтобы наказывать преступников (которых они и не наказывают), а для того, чтобы подчинить личную жизнь уголовному кодексу. «При подобной системе, – пишет Дженни Сук – дом становится пространством, в котором уголовное право умышленно и в принудительном порядке *перераспределяет* и *ограничивает* права и взаимоотношения частных лиц, <...> и это не побочный эффект уголовного преследования, а его задача». Прикрываясь целью якобы сделать насилие преследуемым по закону деянием (которым оно и без того является), авторы законов о насилии в семье «возводят в ранг преступления не только само насилие, но и <...> присутствие якобы агрессора в доме». По сути, это превращается в «установленный по нормам уголовного права запрет на интимные отношения в доме». Совместное проживание супругов или сожителей будет автоматически подразумевать «риск ареста и уголовного наказания» (2006, 7-9).

Итак, эта политически ангажированная логика окольным путём почти обосновала классификацию насилия в семье как нарушения прав человека, поскольку права человека, чем бы они там нам не казались, вопрос не юридический, но всегда политический. Подобно (якобы бесспорным) диктаторам, те, кто (якобы) совершает насилие в семье – не просто преступники; это патриархальные тираны, и преступление их состоит не в якобы совершённых ими деяниях. Нет, всему виной – патриархальный порядок, при котором женщин в некоем общем, расплывчатом смысле угнетают ошибочные взгляды, и именно в этом и состоит вина таких преступников. Доказательства не важны, потому что вина их доказана не их деяниями, а самим фактом занимаемой ими позиции и распространённых в их обществе мнений. Одна исследовательница честно признаётся, что категория насилия в семье – чисто политический конструкт, созданный её коллегами-феминистками: «Рассматриваемый вид причинения ущерба чётко отличает от всех прочих бытующих в любом обществе видов насилия тот факт, что концепция «насилия в семье» своим зарождением целиком обязана теории гендерного подчинения и деятельности феминисток». Виновны все мужчины без исключения, но привлечь их к суду может лишь вооружённая феминистской идеологией женщина: «Практически все без исключения общества во всём мире роднит одно обстоятельство, – пишет (опять-таки, не приводя никаких доказательств) исследовательница, – то, что женщины в нём подвергаются избиению мужчинами» (Meyersfeld 2003, 379, 371).

С появлением Международного уголовного суда, якобы призванного решать судьбу наиболее вопиюще деспотичных лидеров, с которыми система правосудия их собственных стран разобраться, вроде как, неспособна, не остаётся сомнений в том, что обвинённые в «насилии в семье» мужчины рано или поздно тоже предстанут перед Гаагским трибуналом. Римский статут, на основе которого был создан этот суд, испещрён туманными указаниями на то, что в обстоятельствах, где «[якобы имевшее место?] преступление включало сексуальное насилие, гендерное насилие или насилие в отношении детей» (UN General Assembly 1998, Ст. 68[1]), суд должен постараться вынести обвинительный приговор.

Статья 36(8)(b) этого статута говорит о том, что следует прибегать к услугам «судей, обладающих опытом юридической деятельности по специальным вопросам, в том числе, но не ограничиваясь этим, по вопросам, касающимся насилия в отношении женщин или детей», а также что прокуроры должны назначать «консультантов с опытом юридической деятельности по специальным вопросам, включая вопросы, касающиеся сексуального насилия, гендерного насилия и насилия в отношении детей» (Статья 42[9]). Никакие другие вопросы в этих двух положениях поимённо не упоминаются. Ещё прокуроры должны принимать «надлежащие меры для обеспечения эффективного расследования и уголовного преследования», соблюдая при этом «интересы и личные обстоятельства [якобы?] потерпевших и свидетелей», в том числе их «гендерный фактор», и учитывать «характер [якобы имевших место?] преступлений, в частности преступлений, [якобы?] связанных с сексуальным насилием, гендерным насилием или насилием в отношении детей». Суду также дозволено проводить заседания в тайне, но только «в случае, когда речь идет о жертве [якобы имевшего место?] сексуального насилия или ребенке, который является потерпевшим или свидетелем». Проводить ли заседание в тайне или нет, суд решает с учётом «в особенности, мнения такого [якобы?] потерпевшего или свидетеля», но не самого обвиняемого (Статья 54[1][b]). Не менее расплывчато и определение «преступления, связанного с применением сексуального насилия». «Военным преступлением может считаться даже оскорбление чьих-либо чувств», – пишет Дор Голд (2005, 187), подмечая, что статут объявляет преступлением «оскорбительное и унижающее обращение» (Статья 8[2][b][xii]).

«Современные борцы за права человека <...> вдохновляются идеей наказания преступников», – замечает Джон Лохланд (2008, 257). Они не пекутся о защите прав человека тех, кого в нарушении этих прав обвиняют. Им, по-видимому, гораздо более по душе пример их предшественников-якобинцев, любивших устраивать грандиозные съезды, комитеты и «особые» суды, целью которых, как кажется, было обвинять всех, кого им предавали, до одного. Подобно фанатику Луи Антуану Сен-Жюсту, оправдывавшему Эпоху террора лозунгом «никакой свободы врагам свободы!», современные ревнители прав человека скандируют «никаких прав человека нарушителям прав человека!».

Ирония в том, что наказывать этих «нарушителей» прав человека сегодня призывают намного чаще, чем диктаторов. Как показывает Лохланд, сомнительного рода правосудие, вершимое нами под единогласные возгласы одобрения над теми, кого мы считаем тиранами, как и любая власть, способно вскружить нам голову и опьянить. Совсем другое дело, когда машина оборачивается против создателя, и на скамье подсудимых оказываемся мы сами.

Как пишет об истоках концепции прав человека философ Пьер Манан, «защита и, в первую очередь, признание равно принадлежащих всем прав человека было тесно увязано с созданием концепции суверенного государства» (2007, 16). Если мы позволим «правам человека» превратиться в инструмент захвата власти, вплоть до низвержения самих созданных нами на протяжении веков для осуществления и защиты этих прав общественных институтов, мы попросту воздвигнем на их месте новую тираническую власть.

Библиография

- Bahar, Saba. 1996. Human Rights Are Women's Rights: Amnesty International and the Family. *Hypatia* 11, no. 1 (Winter): 105-34.
- Balmforth, Kathryn. 1999. Hijacking Human Rights. Speech delivered at the World Congress of Families, November 14-17. Available at: http://www.worldcongress.org/wcf2_spkrs/wcf2_balmforth.htm.
- Baskerville, Stephen. 2007. *Taken into Custody: The War Against Fathers, Marriage, and the Family*. Nashville: Cumberland House.
- , 2010. Human Rights or Wrongs? [LewRockwell.com](http://www.lewrockwell.com), July 26. Available at: <http://http://www.lewrockwell.com/baskerville/baskerville13.1.html>.

- Bastiat, Frederic. [1848] 1995. *The Law*. In *Selected Essays in Political Economy*, translated by Seymour Cain. Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education. Available at: http://www.econlib.org/library/Bastiat/basEss2.html#anchor_n34.
- Cere, Daniel. 2008-2009. Human Rights and the Family. *Academic Questions* 22, no. 1 (Winter): 63-78.
- Committee on the Elimination of Discrimination Against Women. 1994. *Report of the Committee on the Elimination of Discrimination Against Women*. 13th sess. (A/49/38). New York: UN Women.
- , 1998. *Report of the Committee on the Elimination of Discrimination Against Women*. 18th and 19th sess. Supplement no. 38 (A/53/38/Rev.1). New York: UN Women. Available at: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/CroatiaCO18th_en.pdf.
- Connors, Jane Francis. 1989. *Violence Against Women in the Family*. New York: United Nations.
- Coomaraswamy, Radhika. 1997. Reinventing International Law: Women's Rights as Human Rights in the International Community. Speech given at Harvard Law School, Cambridge, Mass. Available at: <http://library.law.columbia.edu/urlmirror/11/ReinventingInternationalLaw.htm>.
- Dutton, Donald, and Kenneth Corvo. 2006. Transforming a Flawed Policy: A Call to Revive Psychology and Science in Domestic Violence Research and Practice. *Aggression and Violent Behavior* 11, no. 5: 457-483.
- Elrod, Linda. 2007. Client-Directed Lawyers for Children: It Is the "Right" Thing to Do. *Pace Law Review* 27, no. 4 (Summer): 869-920. Available at: <http://digitalcommons.pace.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1143&context=plr>.
- Epstein, Elaine. 1993. Speaking the Unspeakable. *Massachusetts Bar Association Newsletter* 33, no. 7 (June-July): 1.
- Estrada, William. 2009. CEDAW and Homeschooling Families. July 16. Available at the Home School Legal Defense Association Web site: http://www.hslda.org/docs/nche/Issues/U/UN_CEDAW_7162009.asp.
- European Union Guidelines for the Promotion and Protection of the Rights of the Child. n.d. Available at: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/16031.07.pdf>.
- Fagan, Patrick, William L. Saunders, and Michael A. Fragos. 2009. *How UN Conventions on Women's and Children's Rights Undermine Family, Religion, and Sovereignty*. Washington, D.C.: Family Research Council.
- Farris, Michael. 2005. Judicial Tyranny Goes Global. *Home School Court Report* 21, no. 2 (March-April). Available at: http://www.parentalrights.org/index.asp?Type=B_BASIC&SEC=%7BFD002BD3-E4FC-4BE3-B30D-EFFE061FF34F%7D.
- , 2006. Parental Rights: Why Now Is the Time to Act. *Home School Court Report* 22, no. 2 (March-April). Available at: <http://www.hslda.org/courtreport/v22n2/V22N201.asp>.
- , 2008. Nannies in Blue Berets: A Legal Analysis. December 15. Available at: http://www.parentalrights.org/index.asp?Type=B_BASIC&SEC=%7B80868B0-58EC-4B84-8C7F-68B88C5B077B%7D&DE=#ftnref51.
- Fiebert, Martin. 2010. References Examining Assaults by Women on Their Spouses or Male Partners: An Annotated Bibliography. *Sexuality and Culture* 14, no. 1: 49-91.
- Gold, Dore. 2005. *Tower of Babel: How the United Nations Has Fuelled Global Chaos*. New York: Three Rivers Press.
- Gover, Angela, John MacDonald, and Geoffrey Alpert. 2003. Combating Domestic Violence: Findings from an Evaluation of a Local Domestic Violence Court. *Criminology and Public Policy* 3, no. 1: 109-32.
- Heleniak, David. 2005. The New Star Chamber. *Rutgers Law Review* 57, no. 3 (Spring): 1009-42.
- Hoff Sommers, Christina. 2010a. *The UN Women's Treaty: The Case Against Ratification*. Washington, D.C.: American Enterprise Institute. Available at: <http://www.aei.org/docLib/20100323-CEDAW-Sommers.pdf>.
- , 2010b. The Case against the U.N. Women's Treaty. National Review Online, November 16. Available at: <http://www.nationalreview.com/corner/253400/case-against-un-womens-treaty-christina-hoff-sommers#>.
- Johnson, Thomas. 2008. *Human Rights: A Christian Primer*. Bonn: Verlag für Kultur und Wissenschaft.

- Kasper, Thomas. 2005. Obtaining and Defending Against an Order of Protection. *Illinois Bar Journal* 93, no. 6 (June). Available at: http://ancpr.com/obtaining_and_defending_against_.htm.
- Kiernan, Thomas. 1988. False Claims. *New Jersey Law Journal* 121 (April 21): 6.
- Laughland, John. 2008. *A History of Political Trials*. Oxford, U.K.: Peter Lang.
- Manent, Pierre. 2007. *Democracy Without Nations?* Wilmington, Del.: ISI.
- Mazowiecki, Tadeusz. 1996. A Solidarity Government Takes Power. In *From Stalinism to Pluralism: A Documentary History of Eastern Europe Since 1945*, edited by Gale Stokes, 229-31. Oxford: Oxford University Press.
- Meyersfeld, Bonita. 2003. Reconceptualizing Domestic Violence in International Law. *Albany Law Review* (Winter): 371-126.
- Moore, Catherine. 2003. Women and Domestic Violence: The Public/Private Dichotomy in International Law. *International Journal of Human Rights* 7, no. 4 (Winter 2003): 93-128.
- Nickel, James. 2007. *Making Sense of Human Rights*. Oxford, U.K.: Blackwell.
- On Human Rights: A Statement of the Ramsey Colloquium. 1998. *First Things* 82 (April): 18-22. Available at: <http://www.leaderu.com/ftissues/ft9804/articles/ramsey.html>.
- Parental Rights. n.d. Moldova: Poverty Demands Control? Available at: http://www.parentalrights.org/index.asp?Type=B_BASIC&SEC=%7B11B6B020-AFAC-4C50-800D-B12C4D224D57%7D
- Romany, Celina. 1993. Women as *Aliens*: A Feminist Critique of the Public/Private Distinction in International Human Rights Law. *Harvard Human Rights Journal* 6 (Spring): 87-127.
- Ruse, Austin. 2010. Rulers Without Borders. *Touchstone* 23, no. 1 (January-February). Available at: <http://www.touchstonemag.com/archives/article.php?id=23-01-045-c>.
- Shout at Your Spouse, Lose Your Home. 2011. *Daily Mail*, January 27.
- Steans, Jill. 2010. Body Politics: Human Rights in International Relations. In *Gender Matters in Global Politics*, edited by Laura Shepherd, 74-88. London: Routledge.
- Stokes, Gale. 1996. *From Stalinism to Pluralism: A Documentary History of Eastern Europe since 1945*. Oxford, U.K.: Oxford University Press.
- Suk, Jeannie. 2006. Criminal Law Comes Home. *Yale Law Review* 116, no. 2: 2-70.
- Sullivan, Donna. 1995. The Public/Private Distinction in International Human Rights Law. In *Women's Rights, Human Rights: International Feminist Perspectives*, edited by Julie Peters and Andrea Wolper, 126-34. London: Routledge, 1995.
- Tacket, Ann. 2004. *Tackling Domestic Violence: The Role of Health Professionals*. London: Home Office.
- Thomas, Dorothy, and Michele Beasley. 1993. Domestic Violence as a Human Rights Issue. *Human Rights Quarterly* 15, no. 1 (February): 36-62.
- United Nations (UN) Committee on the Rights of the Child. 2009. *Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 44 of the Convention, Concluding Observations: Republic of Moldova*. 50th sess. Available at: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/co/CRC-C-MDA-CO3.pdf>.
- United Nations (UN) Division for the Advancement of Women (UNDAW). 1992. *UN Division for the Advancement of Women, General Recommendations Made by the Committee on the Elimination of Discrimination Against Women*. No. 19, 11th sess. Available at: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm#recom19>.
- United Nations (UN) General Assembly. 1948. Universal Declaration of Human Rights. December 10. Available at <http://www.un.org/en/documents/udhr/>.
- . 1966a. International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR). Resolution 2200A (XXI), December 16. Available at: <http://www.hrweb.org/legal/cpr.html>.

- , 1966b. International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights (ICESCR). Resolution 2200 (XXI), December 16. Available at: <http://www.un-documents.net/icescr.htm>.
- , 1979. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW). December 18. Available at <http://www2.ohchr.org/english/law/cedaw.htm>.
- , 1989. Convention on the Rights of the Child (CRC). Resolution 44/25, November 20. Available at: <http://www2.ohchr.org/english/law/crc.htm>.
- , 1998. Rome Statute of the International Criminal Court. UN Doc. A/CONF.183/9. Available at: <http://untreaty.un.org/cod/icc/statute/romefra.htm>.
- U.S. Department of Justice. n.d. Domestic Violence. Available at: <http://www.usdoj.gov/ovw/domviolence.htm>.
- Van Bueren, Geraldine. 1995. The International Protection of Family Members' Rights as the 21st Century Approaches. *Human Rights Quarterly* 17, no. 4 (November): 732-65.
- , 1998. *The International Law on the Rights of the Child*. London: Martinus Nijhoff.
- , 1999. Combating Child Poverty: Human Rights Approaches. *Human Rights Quarterly* 21, no. 3 (August): 680-706.
- Verkaik, Robert. 2001. Crackdown Unveiled on Domestic Violence. *The Independent*, November 19.
- Williams, Robert. 1994. An Overview of Child Support Guidelines in the United States. In *Child Support Guidelines: The Next Generation*, edited by Margaret Campbell Haynes, 1-17. Washington, D.C.: Office of Child Support Enforcement.
- Young, Cathy. 2005. *Domestic Violence: An In-Depth Analysis*. Washington, D.C.: Independent Women's Forum. Available at: http://www.iwf.org/pdf/young_domviol1.pdf.